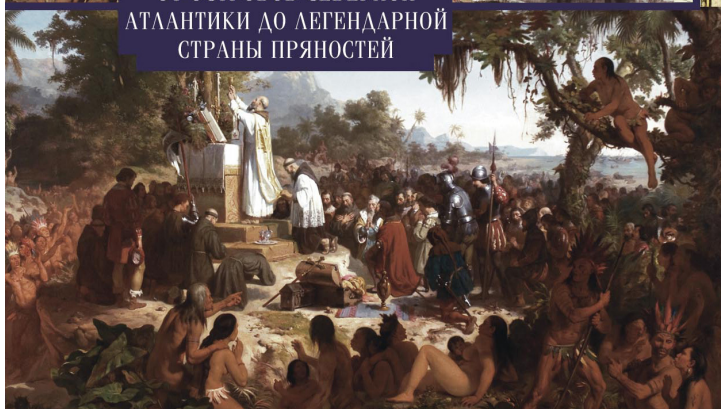

ЧАРЛЗ БОКСЕР

ПОРТУГАЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ и ее владения в XV—XIX веках

ОТ ОСТРОВОВ СЕВЕРНОЙ
АТЛАНТИКИ ДО ЛЕГЕНДАРНОЙ
СТРАНЫ ПРЯНОСТЕЙ

Чарлз Р. Боксер

Португальская империя и ее владения в XV-XIX вв

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39468016

*Португальская империя и ее владения в XV—XIX веках. От островов Северной Атлантики до легендарной страны пряностей / Боксер Чарлз Р., Пер. с англ. В.С. Мухина: Центрполиграф; Москва; 2019
ISBN 978-5-9524-5335-7*

Аннотация

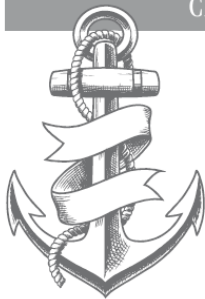
Чарлз Боксер, профессор Йельского университета, автор целого ряда исторических трудов, представляет историю Португальской империи, подчеркивая, что именно португальцы возглавили первые морские экспедиции европейцев. Испанцы, голландцы, англичане, французы, которые последовали за первопроходцами, во многом воспользовались их ценным опытом. Это касалось как искусства навигации, так и навыков общения с народами других вер и другого цвета кожи. Автор анализирует, насколько успешно португальцы перенесли свои основные административные учреждения в новое экзотическое окружение и усовершенствовали их применительно к новым условиям. Автор также обратил внимание на взаимосвязь разбросанных в разных частях света владений империи и самой

Португалии, расположенной на самой западной оконечности Европы.

Содержание

Введение	7
Часть первая	31
Глава 1	31
Конец ознакомительного фрагмента.	71

CHARLES R. BOXER

Чарлз Р. Боксер
Португальская империя
и ее владения в XV–
XIX веках. От островов
Северной Атлантики
до легендарной
страны пряностей

CHARLES R. BOXER

The Portuguese Seaborne Empire
1415–1825

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Введение

На западной границе христианского мира

Испанский хронист Франсиско Лопес де Гомара в своей книге «Всеобщая история Индий», посвященной императору Священной Римской империи Карлу V (он же испанский король Карл I), описывал в 1552 г. открытие иберийскими мореплавателями океанических путей в Ост- и Вест-Индию, называя его «самым великим со дня творения мира, исключая лишь воплощение и смерть Того, Кто сотворил мир». Прошло два столетия, и шотландский политэконом Адам Смит высказал ту же самую мысль, когда писал: «Открытие Америки и пути вокруг мыса Доброй Надежды – два величайших и наиболее важных открытия в истории человечества».

Даже в наш век космических путешествий многие из нас, включая и тех, кто не является христианами, вполне могут согласиться с тем, что Лопес де Гомара и Адам Смит были не так уж не правы. Самым поразительным фактом в истории человеческого общества еще до наступления эпохи Великих географических открытий португальцев и испанцев была изолированность основных рас человечества. Западные европейцы, за исключением отдельных предприимчивых

итальянских и еврейских торговцев, имели самые общие и отрывочные сведения о великих цивилизациях Азии и Северной Африки. Те, со своей стороны, знали очень мало или совсем ничего о Европе к северу от Пиренеев и об Африке к югу от Судана (за исключением полосы поселений суахили вдоль восточноафриканского побережья) и не знали абсолютно ничего об Америке. Именно португальские первопроходцы и кастильские конкистадоры с западной границы христианского мира объединили широко разошедшиеся части великой человеческой семьи. Именно они заставили человечество осознать, хотя еще и не ясно, идею его неизбежного единства.

Нам часто говорят, что людям Иберийского полуострова, особенно португальцам, было предназначено свыше совершить морские открытия, которые изменили ход мировой истории в XV и XVI вв. Среди факторов, которые способствовали этому, обычно выделяют географическое положение этих стран, бывших для Европы окном в Атлантику, и отдельные черты их национального характера, сложившиеся в результате их восьмивековой борьбы с маврами. Известный бразильский социолог и антрополог Жилберто Фрейре и его ученики подчеркивали, что длительное господство мавров на полуострове привело к тому, что многие жители-христиане свыклись с тем, что арабы занимают более высокое положение в обществе. Темнокожая мавританская женщина представляла собой завидный тип женской красо-

ты и была сексуально привлекательна, о чем свидетельствует особая популярность народных легенд об «очарованной мавританке» (*Moura Encantada*) или «мавританской принцессе-волшебнице», распространенных среди неграмотного португальского крестьянства. От этих сказаний был всего лишь шаг до терпимого отношения к полукровкам и смешанным бракам. Отсюда привычка португальцев и в меньшей мере испанцев обходиться без всяких запретов в межнациональном общении. Конечно, надо признаться, что столетия борьбы христиан с мусульманами за господство на Иберийском полуострове не были временем одной лишь религиозной нетерпимости и вероисповедных споров. Кастильский отважный воин Сид¹ и его зеркальное отражение – португальский полководец Жералду Бесстрашный (*Sem Pavor*) служили, смотря по обстоятельствам, и христианским, и мусульманским правителям. В XIII в. было время, когда христиане, мусульмане и иудеи могли отправлять свои религиозные обряды в одном и том же храме, например Санта-Мария-ла-Бланка в Толедо, ставшем мечетью.

Во всех этих фактах, конечно, есть своя правда. Прежде всего надо сказать, многие, а в некоторых районах большинство «мавров», которые владычествовали на Иберийском полуострове столь длительное время, были внешне не более

¹ Сид Кампеадор, настоящее имя Родриго Диас де Бивар (р. ок. 1040, ум. 1099) мог вступать в тактический союз с маврами, однако всегда старался их бить. В 1090 г. одержал крупную победу над Альмо-равидами, что обеспечило испанцам овладение Валенсией. (Здесь и далее примеч. ред.)

смуглыми, чем португалцы, поскольку они были берберами, а не арабами и не «чернокожими маврами». Люди Северной Африки были белыми, составной частью единого великого мира Средиземноморья. Во-вторых, даже если ожесточенная борьба за главенство над полуостровом была отмечена периодами взаимной терпимости, то к XV в. этому пришел конец. Встречи представителей трех соперничавших вер, собиравшихся на свои богослужения в одном храме в Толедо на протяжении нескольких лет, окончились без какого-либо результата. Настоящее сближение христиан и мусульман произошло на Сицилии в 1130–1250 гг. при норманнских королях и их наследнике Фридрихе II Гогенштауфене (р. 1194, ум. 1250), прозванном современниками «*Stupor Mundi*» (Чудо Мира). Во всяком случае, к началу XV в. обстоятельства складывались таким образом, что иберийский христианин, как и его современники – христиане французские, германские и английские, редко упоминал мусульман и иудеев без оскорбительного эпитета. Общим правилом стали ненависть и нетерпимость, а не взаимопонимание, в отношении чужой веры и нации; дух экуменизма, столь распространенный сегодня, в то время блистал своим отсутствием. «Мавры» и «сарацины», как называли мусульман, евреи и иноверцы были обречены, как считали в народе, гореть на том свете в адском огне. Участь их была предопределена заранее.

Религиозная нетерпимость, конечно, была характерна не

только для христиан, хотя, возможно, она была наиболее глубоко укоренена в них в сравнении с большинством исповедников другой веры. Но правоверные мусульмане смотрели с ужасом на всех этих христиан, «становившихся сопричастными Богу», что проявлялось в их почитании Святой Троицы, Девы Марии и (до некоторой степени) своих святых. Почитание святых и вера в знамения, суеверия и чудеса распространились, конечно, и среди мусульман. В XV в. эти практики были особенно близки приверженцам суфийских орденов и мистических братств. Но почитание святых и мест их погребений никогда не приводило в исламе к тем крайностям, в которые часто выливался культ святых и их иконных изображений в христианском мире.

Средневековье в Европе было трудной школой, и слабые ростки цивилизации пробивались столь же тяжело не только в Португалии, но и повсюду. Непокорные и вероломные аристократы и мелкопоместное дворянство; невежественное и инертное духовенство; глуповатые и недалекие, хотя и тяжело трудившиеся, крестьяне и рыбаки; ремесленники и поденщики вместе с городскими низами Лиссабона – все они пять столетий спустя были отображены в романах известного португальского писателя Эса ди Кейроша (1845–1900). Он называл лиссабонскую чернь «фанатичной, развращенной и дикой». Именно из этих классов общества набирались будущие первооткрыватели и колонисты. Тому, кто сомневается в этом, необходимо прочесть труды Фернана Лопеша

(ок. 1385 – после 1459), «величайшего хрониста всех времен и народов», как Роберт Саути называет официального летописца продолжительного правления короля Жуана I (р. 1357, король 1385–1433), основателя Ависской династии, который был свидетелем начала португальских морских экспедиций.

С падением в 1249 г. Силвиша, последней твердыни мавров в самой южной провинции страны Алгарви, Португалия обрела свои современные границы. Таким образом, она стала не только первым национальным государством в Европе, но изгнала мусульманских захватчиков с территории своей страны более чем за два столетия до завоевания мавританской Гранады Фердинандом и Изабеллой (1492), ознаменовавшего установление господства Кастилии на остальной части Иберийского полуострова. В позднее Средневековье большинство земель Португалии не использовалось, и положение все еще продолжает оставаться таковым по тем же самым причинам. Две трети Португалии занимают горы, склоны круты, и земли слишком каменисты и бесплодны; бедные почвы дают ненадежные и небольшие урожаи. Осадки в виде дождей выпадают крайне нерегулярно: иногда они чрезмерно обильны, иногда случаются засухи. Мало рек, которые судоходны на всем своем протяжении, и резкие колебания в них уровня воды (временами до 100 футов, то есть 30 метров) – одни из наибольших в мире. Дороги находились в ужасном состоянии, даже по средневековым представлениям. Городов и деревень было немного, и их разде-

ляли большие расстояния. Они располагались на вершинах холмов или на расчищенных участках земли среди лесов и необозримых пустошей, поросших кустарником и вереском.

Население достигло максимальной численности около миллиона человек в позднее Средневековье. В Португалии, как и везде, эпидемия «черной смерти», или чумы, в 1348–1349 гг. унесла множество человеческих жизней; а сильно затянувшаяся война с Кастилией в 1383–1411 гг. отрицательно сказалась на населении приграничных областей. Но народ имеет способность к быстрому возрождению после национальных катастроф, и миллионная отметка вновь была достигнута и, возможно, превышена к 1450 г. Единственными городами к северу от реки Тежу (Тахо) были Порту, Брага, Гимарайнш, Коимбра и Браганса. Самым большим городом был Порту с населением около 8 тысяч жителей. Район к югу от реки Тежу (Тахо), наиболее плотно населенный еще при римлянах и мусульманах, отличался большим количеством городских поселений, но все они были крайне малочисленными. Лиссабон с его 40 тысячами жителей был самым большим городом в королевстве, другие города (за исключением Порту) и деревни насчитывали от 500 до 3 тысяч жителей. Хотя Лиссабон не раз становился столицей Португалии, король и двор не всегда пребывали там. Как и большинство монархов времен Средневековья и Возрождения, португальские короли вместе с двором постоянно переезжали с одного места на другое, часто посещая Эвору вплоть до

прекращения Ависской династии в 1580 г.

Экономика в сельской местности основывалась в основном на обмене. Но налоги, в том числе и поземельный, платили чаще звонкой монетой, чем натурой, что приводило к росту денежного обращения. В Португалии золотые монеты не чеканились с 1385 по 1435 г., хотя иностранные монеты, включая английские нобли, находились в свободном обращении в начале правления короля Фернанду I (время восшествия на престол 1367 г.), когда страна стала относительно процветающей. Последующие войны с Кастилией, междоусобица 1383–1385 гг., имевшее тяжелые последствия, привели к снижению качества чеканки монет при короле Жуане I, несмотря на постоянные протесты кортесов, которые были представителями трех сословий и собирались в его правление 25 раз. Серебряные монеты были также редки; в основном это был сплав серебра и меди, причем преобладала медь. Подавляющее большинство населения составляли крестьяне, которые выращивали зерновые культуры (в основном пшеницу и просо) и занимались производством вина и оливкового масла, что позволяла им земля. Рыболовство и добыча соли были занятием жителей побережья. Незначительная, но все же растущая морская торговля основывалась на экспорте соли, рыбы, вина, оливкового масла, фруктов, пробки, кожи во Фландрию, Англию, страны Средиземного моря и Марокко и на импорте пшеницы, сукон, железа, древесины и благородных металлов из Северной Европы и золотых мо-

нет из Марокко.

«Три сословия», представленные в кортесах, были аристократия, духовенство и народ (*npm, povo*). Но в последнее сословие не входили непосредственные представители трудящихся классов, лишь только делегаты от гильдий некоторых городов. Аристократия и духовенство в целом были привилегированными классами, обладавшими различными правами: это и освобождение от налогов, и иммунитет от произвольного ареста и заключения. В случае, если это были крупные земельные магнаты, такие как герцог Братанса, то им были отчасти подсудны их вассалы и арендаторы, хотя королю Педру I (1357–1368) удалось утвердить за монархом право апелляционного суда и передать право отправления правосудия судебных инстанций на местах и отдельных частных лиц королевской власти. На более низкой ступени общества после аристократов стояло мелкопоместное дворянство или рыцари и оруженосцы (*npm, cavaleiros* и *escudeiros*). В XIV и XV вв. слово «идадьго» (*npm, fidalgo*, или *fdho d'algo* «сын того-то дворянина») стало синонимом слова «дворянин» (*npm, nobre*). В португальском языке слово *fidalgua* («знать» или «дворянство») сменило слово *pobreza* с тем же самым значением. Звание *cavaleiro* («рыцарь, дворянин»), первоначально означавшее «посвященный в рыцарское достоинство», стало почетным общественным званием, но более низким по сравнению с *fidalgo*. *Fidalgo-cavaleiro* был рыцарем, в чьих жилах текла благородная, дворянская кровь;

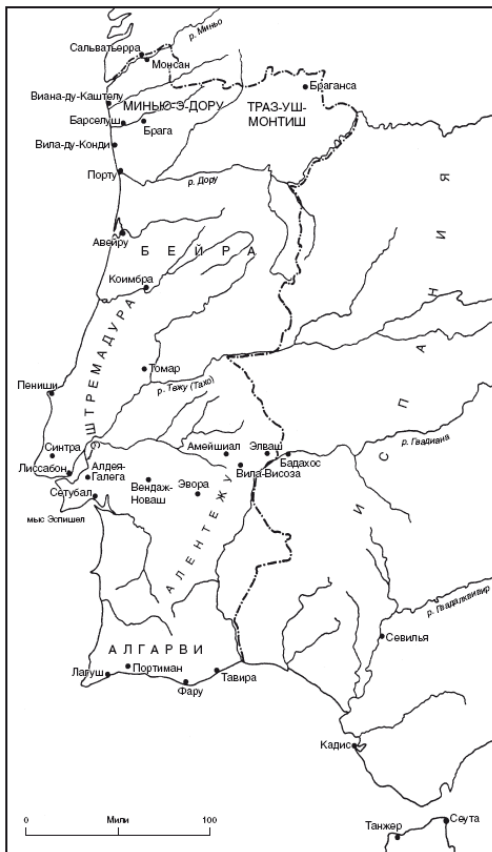
cavaleiro-fidalgo не происходил из благородного сословия, но был посвящен в рыцари за свои заслуги перед монархом. К 1415 г. представители дворянства (*nobreza*) уже не представляли собой того феодального рыцарства, которое завоевало свое положение благодаря доблести, проявленной на полях сражений; это были люди, «жившие по обычаям дворянства» (*viviendo a lei da nobreza*). Иначе говоря, в своих поместьях на собственной земле, имея в своем распоряжении «слуг, оружие и лошадей».

Духовенство не представляло собой однородного класса; на одном полюсе были митрофорные прелаты королевской крови, на другом – едва умевшие читать сельские священники. Существовали также явные различия между черным духовенством различных монашеских орденов и белым, служащим в миру. Первое, в большей части, имело высокий социальный статус. Как и везде в Европе, в этот период церковная жизнь оставляла желать лучшего во многих вопросах. Внебрачное сожитие в среде священства было довольно распространено, если мы будем судить по тому факту, что между 1389 и 1438 гг. 2 архиепископа, 5 епископов, 11 архидиаконов, 9 деканов, 4 певчих, 72 каноника и около 600 священников получили официальное разрешение узаконить в правах своих внебрачных детей. В это число не входят клирики ордена миноритов и других орденов, которые не стали беспокоить священноначалие своими просьбами. Прямо скажем, невысокий уровень церковной морали сопровож-

дался низким уровнем церковного образования.

Университет, основанный в 1290 г. королем Динишем в Лиссабоне, не смог за два столетия своего существования обеспечить нужные стандарты обучения. Папа Николай IV решительно запретил преподавание в нем теологии, и, хотя этот запрет соблюдался не так строго, папа Климент VII в 1380 г. отказал обучающимся в Лиссабоне богословам в официальном разрешении на преподавание где-либо (*facultas ubique docendi*). Многие монахи нищенствующих орденов, подобно цистерцианцам из наиболее известного монастыря Португалии Санта-Мария в Алкобасе, определено учились в Лиссабоне; однако ни один португальский монах не мог считаться чужеземными братьями своего ордена достаточно подготовленным теологом, пока он не закончил обучение в каком-либо университете вне Португалии. Одна причина подобного состояния дел заключалась в очень плохом знании латинского языка в среде многих португальских священников, монахов и членов братств. В результате монашеские ордена посылали своих наиболее способных братьев на учебу в университеты за границей, включая Оксфорд и Париж. Ректорат Лиссабонского университета жаловался на эту практику в 1440 г., но она продолжилась и в следующем веке. Более того, неоднократный перевод университета по воле монарха из Лиссабона в Коимбру и обратно не способствовал поддержанию на должной высоте академического образования. Интеллектуальный уровень студентов это-

го единственного португальского университета, который навсегда обосновался в Коимбре в 1537 г., уступал, по общему признанию, таковому университетов Парижа, Оксфорда, Саламанки и Болоньи.

Португалия в XVI–XVIII вв.

Между привилегированным духовенством, идадьго, рыцарями и дворянами и большими массами непривилегированными

рованных крестьян и ремесленников располагались некие промежуточные классы, представленные купцами, юристами, врачами и королевскими чиновниками. Ни одна из этих групп не была многочисленной, но купцы приобрели значительное влияние и авторитет в двух основных морских городах, Лиссабоне и Порту. Португальские торговцы должны были считаться с привилегированными группами иностранных купцов в этих двух портах, особенно в Лиссабоне, но, несмотря на это, они были достаточно успешны. Магальяенш Гудинью показал недавно, что между 1385 и 1456 гг. из 46 судов, занятых в морской торговле Португалии с Англией и Фландрией, которые были захвачены корсарами или конфискованы в гаванях, 83 % принадлежали португальцам, 15 % – иностранцам и 2 % находились в совместном владении. Из 20 случаев, в которых происхождение груза судов известно, 55 % приходится на португальцев, 20 % – на иностранцев, 25 % – в совместном владении. Тем не менее было бы преувеличением писать о Португалии (как сделал недавно некий автор), имевшей в 1415 г. «сильный торговый класс, в основном свободный от феодального контроля», поскольку этот класс присутствовал только в Лиссабоне и Порту.

Врачей, юристов, нотариусов, судей, муниципальных советников и королевских чиновников различного ранга насчитывалось в конце XV в. не больше тысячи человек, не считая придворных. Королевским чиновникам выплачива-

лось ежемесячное или годовое денежное содержание и дополнительно во многих случаях выдавали несколько штук текстиля и определенное количество зерна. Продолжительность рабочего дня у всех была разной, но часто достаточно короткой. Служащие королевского казначейства (*Casa dos Contos*) трудились, например, с 6 до 10 часов утра летом и с 8 до 11 часов зимой. В этом, как мы можем видеть, они имели большое преимущество перед ремесленниками.

В Португалии, как и во всех других европейских странах, большинство населения составляли крестьяне (*lavradores*). Среди них были как сравнительно зажиточные крестьяне, которые обрабатывали собственный надел земли и нанимали себе в помощь рабочую силу, так и безземельный сельский пролетариат, который зависел от сезонной работы и случайного заработка. Те, кто трудился на собственной земле, были малочисленны. Большинство крестьян не имели своей земли, они брали ее в аренду, платя за нее натурой (иногда деньгами) землевладельцу, будь то монарху, церкви или помещику. Многие крестьяне имели определенные гарантии на временное владение землей, если договор аренды был заключен на длительный срок. Но даже и в таком случае они должны были платить от одной десятой до половины урожая. Вдобавок надо было часто выплачивать феодальные или полуфеодальные налоги и, прежде всего, десятину церкви; она должна была собираться в первую очередь прежде других податей. В некоторых случаях крестьянину приходилось отдавать

до 70 % своей продукции. Другой обременительной обязанностью, отмененной только в 1709 г., было предоставлять бесплатное питание и кров для видных представителей знати (*poderosos*). И последнее, но не менее важное. Зачастую крестьяне (хотя не всегда и не везде) были обязаны бесплатно трудиться один, два или даже три дня в неделю на своего помещика или короля. Эта принудительная трудовая повинность могла принимать форму общественных работ, когда люди были заняты в поле или в личном хозяйстве землевладельца. Существовала также всеобщая обязанность (в основном на бумаге) для всех здоровых крестьян и ремесленников являться на военную службу в случае вторжения противника на территорию королевства. Эта всеобщая обязанность отбывать воинскую повинность – одна из характерных черт португальского феодализма, в отличие от феодализма в других странах Западной Европы.

В результате опустошения, вызванного чумой, сельскохозяйственные поденщики могли требовать и получать большую оплату своего труда, чем ранее. Представители короны, мелкие и крупные землевладельцы, которые входили в городские и сельские советы и которые устанавливали уровень оплаты, стремились платить меньше, добиваясь стабилизации местных цен и заработков и законодательного прикрепления крестьянина к земле. Эти ограничения крестьяне старались обходить и мигрировали в города, преимущественно в Лиссабон и Порту, что уже превращалось в тен-

денцию. Те из них, кто оставался в деревне, предпочитали наниматься на неделю или на месяц вместо года, как практиковалось раньше. Все же принцип свободного заключения соглашения об условиях труда и занятости еще не был реализован вне Лиссабона и его ближайших окрестностей.

К концу XIV в. ремесленники и городские чернорабочие были объединены в строго иерархические профессиональные гильдии. Ювелиры стояли на вершине социальной лестницы, сапожники – в самом низу. Например, обычные и корабельные плотники, ткачи имели более высокий статус, чем оружейники, портные и мясники. В соответствии с обычной практикой позднего Средневековья ремесленники и лавочники часто объединялись в улицы или городские районы согласно своей профессии. Отсюда происходят такие названия, как в Англии – «Бейкерс-стрит» (Пекарная улица), «Куперс-стрит» (Бондарная улица) и др., сохранившиеся во многих европейских городах. Это объединение по конкретным специальностям в гильдии устраивало все заинтересованные стороны. Ремесленники и торговцы могли следить за тем, какие цены устанавливает их сосед, и за качеством предложенных им товаров. Кроме того, их объединяло чувство солидарности и взаимной поддержки в случае возможного насилия и правонарушения. Покупатели, со своей стороны, знали, где они могут найти ту или иную вещь и легко сравнить цены и качество товара. Муниципальным и государственным властям было легче собирать налоги и

производить для этой цели оценку имущества. Королевский указ 1385 г. с одобрением замечал, что эта практика способствует «доброму управлению и украшению города» Лиссабона. Каждое рабочее место само обслуживало себя, ученики и подмастерья работали под присмотром опытного мастера или десятника. Рабочий день был продолжительным, трудились от рассвета до заката с единственным получасовым перерывом на обед. Долгие часы работы возмещались отчасти не такими уж редкими церковными праздниками и торжествами; воскресенье было, как правило, днем отдыха (хотя были и исключения). В Португалии, как и везде, крестьяне и ремесленники, составлявшие народ, несли основное бремя налогов.

Несмотря на отток населения из деревни в города, ремесленники и чернорабочие составляли очень небольшой процент населения в сравнении с крестьянами. В Лиссабоне в середине XV в. процветала морская торговля, но конопатчиков в городе было всего лишь 50–60 человек. В Гимарайнше, который был все еще относительно значимым городом в третьей четверти XIV в., было тогда меньше 50 квалифицированных ремесленников и мастеров. В других малых городах на сотню населения приходилось от пяти до десяти рабочих, остальные были крестьяне. Благодаря той важной роли, которую сыграли рабочие Лиссабона и Порту в событиях 1383–1385 гг., гильдии стали более могущественными и влиятельными в этих двух городах, чем это было прежде. В

некоторых местах существовали небольшие группы евреев и мавров, но их численность и значение были неизмеримо меньше, чем в соседней Испании. На исходе Средневековья евреи Португалии, как и повсюду, были обязаны носить особый знак отличия на своей одежде, жить в гетто и платить больше налогов, чем христиане. Иногда случались погромы, но они были незначительными, и положение евреев было все же лучше, чем в других странах Европы. Португальские короли покровительствовали еврейским сборщикам налогов, врачам, математикам и картографам, несмотря на периодические протесты третьего сословия в кортесах. Еврейские мастера и ремесленники преобладали в отдельных отраслях производства и торговле. Это были портные, ювелиры, кузнецы, оружейники и сапожники. Естественно, евреев было мало среди крестьянства, моряков и воинов; однако был случай, когда в 1439 г. еврей-ювелир из Эворы, явившийся на военную службу вместе с «конем, оружием и двумя пехотинцами», получил награду за участие во взятии Сеуты и в неудавшейся экспедиции в Танжер. В очень редких случаях, когда евреи добровольно принимали христианскую веру, они легко входили в христианскую общину и ассимилировались. Вплоть до массовой иммиграции евреев из Испании, после решения, принятого Фердинандом и Изабеллой в 1492 г. изгнать их из страны, «сыны Израиля» не представляли серьезной проблемы для Португалии. Мавры к этому времени растворились в общей массе населения, за исключением очень

небольшой группы пленников, захваченных в войнах с Марокко, которых использовали в качестве рабов.

Несмотря на то что у Португалии не было никаких проблем с морисками (обращенными в христианство маврами) после окончательного завоевания Алгарви (1249), в то время как Испания не могла разрешить этот вопрос больше ста лет после овладения Гранадой (1492)², все же мавританское влияние проявилось достаточно явно в культуре и материальной жизни страны. Множество слов, которые используются для обозначения сельскохозяйственных орудий, технических терминов, мер и весов, имеют в Северной Португалии романское происхождение, тогда как в южной части страны – арабское. Мавры начали выращивать новые и значительно расширили посевы старых культур, с которыми они познакомились на полуострове, в частности рожкового дерева, лимонов, померанца и (возможно) риса. Они улучшили технику возделывания оливкового дерева, о чем свидетельствует тот факт, что, хотя его название происходит из латинского языка (*oliveira*), плоды и получаемое из них оливковое масло имеют название арабское (*azeitona*, *azeite*). Многие экономические, военные и административные термины также взяты из арабского языка. Не говоря уже о многочисленных географических названиях, встречающихся на юге страны, где владычество мавров и берберов продолжалось длитель-

² Указами 1609–1610 гг. мориски в количестве около 500 тыс. чел. были изгнаны из Испании (в основном в Африку).

ное время. Эта разница между севером и югом также заметна в архитектуре, особенно это относится к южным районам, где проявилось мавританское влияние, особенно в Алгарви, «западной земле», последнем оплоте ислама, на португальской земле.

Север и юг Португалии имеют разный климат. Небольшие наделы преобладают в плодородной и перенаселенной провинции Минью. По этому поводу ходит анекдот, что, если крестьянин выгонит корову на свое пастбище, навоз от нее окажется на участке соседа. Большие поместья, или латифундии, характерны для малонаселенных равнин южной провинции Алентежу. В северных и южных областях Португалии используют разные строительные материалы. На гористом севере преобладает камень, на юге чаще встречаются глинобитные постройки. Однако бедняки в отдаленных горных местностях в Траз-уш-Монтиш тоже жили в жалких лачугах, стены которых были сложены из грубо подогнанных камней, а крышей служил плитняк или солома.

Подобные дома можно встретить и в наше время. Именно о них вспомнил летописец Гомеш Эанеш де Зурара, когда он описывал, как поразила португальских солдат, разграбивших Сеуту в августе 1415 г., красота и роскошь мавританских дворцов. По словам португальцев, «наши бедные дома кажутся просто свинарниками в сравнении с ними».

Помимо характерного для Португалии резкого деления страны на романский север и арабо-мавританский юг, а в

отношении климата также на атлантическую и средиземно-морскую области, есть еще одно явное отличие прибрежных областей страны от внутренних. Часто утверждается, что Португалия это морская держава. В некотором смысле это действительно так, так как именно Португалия прокладывала «путь в те океаны, где раньше никто не плавал», по известной фразе Камоинша (Камоэнса). Но, взглянув на это с другой стороны, с утверждением можно поспорить. Мы увидим, по мере того как будет разворачиваться наше повествование, что в Португалии всегда ощущался недостаток в морях, которые имели бы опыт плавания в океане. На португальском побережье есть много удобных природных гаваней, но лишь два больших естественных порта – Лиссабон и Сетубал. Нет прибрежных островов, которые могли бы стать преградой для идущих с Атлантики штормов, нет укрытых от волн глубоководных эстуариев рек, и узких морских заливов, и небольших легкодоступных бухт, где можно было бы развивать судостроение. Берег часто низкий и песчаный, продуваемый ветрами; местами скалистый, круто обрывающийся к морю. Суда местных жителей из рыбацких деревень стоят на открытом рейде, поскольку небольшая команда не может их вывести в море, если не подует благоприятный ветер, не будет приливной волны и нужных погодных условий. Конечно, в море у берегов Португалии много рыбы, и португальские рыбаки во времена Средневековья плавали у берегов Марокко. Но определенно можно сказать, что в наши

дни в рыболовецком промысле занято значительно большее количество человек, чем это было на протяжении тех четырех веков, о которых мы ведем разговор. В последние годы в этом деле было занято 38 300 человек, от 1 до 2 % занятого населения. Эти цифры более впечатляющи, чем те, что имеются для периода времени с XVI по XVIII в., о которых мы упомянем в соответствующем месте.

В любом случае, как указывал португальский географ Орланду Рибейру, морские профессии, как бы ни были они важны (или кажутся таковыми) в рамках португальской национальной экономики, могут быть охарактеризованы только как занятия временные и эпизодические, в сравнении с постоянным характером сельскохозяйственного труда. Даже находясь от побережья на расстоянии нескольких миль, многие люди не отдают себе отчет о близости моря. Житель Алентежу, самой большой провинции Португалии, нисколько не зависит от моря, ни в вопросе работы, ни пропитания. Крестьянин в полях под Лиссабоном только тогда вспоминает об Атлантическом океане, когда старается защитить виноградную лозу от сильного океанического бриза и приносимых ветром соляных частиц. В некоторых отношениях море, безусловно, сыграло более важную роль в истории Португалии, чем любой другой фактор. Но это не значит, что португальцы были нацией отважных мореплавателей, а не привязанных к земле крестьян. Три-четыре столетия назад процент людей в Португалии, которые уходили в море, чтобы до-

быть средства к существованию, был значительно меньшим, чем в таких местах, как Бискайский залив, Бретань, Северные Нидерланды, Южная Англия и некоторые страны Балтики.

Часть первая

Превратности судьбы империи

Глава 1

Золото Гвинеи и пресвитер Иоанн (1415–1499)

Морским экспедициям португальцев в Атлантическом океане было положено начало, по-видимому, в 1419 г., четыре года спустя после отвоевания Сеуты у мавров. Стало общепринятым фактом, что начало первого этапа дальних плаваний европейцев приурочивается к одной из этих дат. Его завершение приходится на возвращение Васко да Гамы в Лиссабон в июле 1499 г., шесть лет спустя после окончания эпического плавания Христофора Колумба к Антильским островам.

У португальцев и испанцев были предшественники в завоевании Атлантического и Тихого океанов, но усилия этих замечательных путешественников не изменили хода мировой истории. Карфагенские монеты IV в. до н. э. были найдены на Азорских островах, а древнеримские монеты более позднего времени – в Венесуэле. Все это дает возможность

утверждать, что они попали в эти места с судов, занесенных туда штормами еще в античные времена. Викинги плавали из Норвегии и Исландии в Северную Америку в начале Средних веков, но последнее их поселение в Гренландии не устояло перед суровыми природными условиями и нападениями эскимосов в конце XV в.³ Немногочисленные итальянские и каталонские галеры из Средиземноморья бесстрашно устремились в Атлантический океан в XIII–XIV вв. в поисках новых земель. Но, несмотря на то что они, возможно, побывали на Азорских островах и Мадейре⁴ и определенно открыли вновь Канарские острова («Счастливые острова» римских географов), эти изолированные морские экспедиции не имели систематического продолжения. Только смутные воспоминания остались от генуэзских братьев Вивальди, которые в 1291 г. отправились в плавание с намерением обойти с юга Африку и выйти морем к Индии, но после прохождения мыса Нун на побережье Марокко след их затерялся в океане. Хотя шторм вполне мог отнести отдельные китайские и японские джонки к берегам Америки и хотя полинезийские «аргонавты Тихого океана» с Гавайев колонизовали многие острова вплоть до Новой Зеландии, такие походы не влияли на положение, при котором Америка

³ По последним данным, в XVI в.

⁴ Остров Мадейра вторично открыли в 1419 г. португальцы Жуан Гонсалвиш Зарку и Триштан Ваш Тершейра, Азорские острова – посланный принцем Генрихом Гонсалу Велью Кабрал – между 1424 и 1432 гг., затем в 1444–1446 и около 1453 г. – остальные острова архипелага.

и Австралия продолжали находиться в полной изоляции по отношению к другим континентам.

Марко Поло и другие путешественники – почти все они были итальянцами – пересекали по суше весь Европейско-Азиатский континент от берегов Черного моря до побережья Южно-Китайского моря. Их странствия продолжались в течение многих лет (ок. 1240–1350), и это происходило в то самое время, когда монгольские ханы устанавливали свой *Rax Tartarica* в Центральной Азии и в других дальних землях. Но рассказам этих европейских путешественников о невиданных чудесах Востока их соотечественники либо не верили, либо эти повествования были слишком эмоциональны и отрывочны, чтобы дать четкое представление об Азии западному миру. Знаменательно, что легендарное «письмо пресвитера Иоанна» и фантастические путешествия несуществующего сэра Джона Мандевиля были более популярны среди европейской читающей публики, чем более достоверные повествования Марко Поло и францисканца Одорико Порденоне, хотя и в них было много преувеличений и вымысла.

Некоторые каталонские и мальоркские карты XIV в., такие как карта, созданная для французского короля Карла V около 1375 г., дают удивительно точное изображение области Западного Судана и пути купеческих караванов из Северной Африки через Сахару «к земле негритянских племен

в Гвинею»⁵. Эти географические сведения были получены от еврейских купцов, которые имели возможность путешествовать с известной долей свободы в мусульманских землях. Они не основывались на информации из первых рук, полученной от европейских христиан; ничего не было известно и о побережье Западной Африки южнее Гвинейского залива. Грубо говоря, большинство средневековых карт отражали либо веру Птолемея в то, что Индийский океан со всех сторон окружен сушей, либо представление Макробия об открытом морском пути в Индийский океан вокруг сильно искаженной на картах Южной Африки. Только после того, как португальцы проплыли вдоль западноафриканского побережья, обогнули мыс Доброй Надежды, пересекли Индийский океан и добрались до индонезийских Островов пряностей и побережья Южно-Китайского моря; только после того, как испанцы добились той же самой цели, когда, пройдя вдоль берегов Патагонии, они вышли в Тихий океан и доплыли до Филиппин, – тогда, и только тогда установилось постоянное и регулярное морское сообщение между четырьмя великими континентами.

Почему иберийцам сопутствовал успех там, где их средиземноморские предшественники потерпели неудачу? Почему Португалия стала лидером, когда бискайские суда и мо-

⁵ Первыми этот путь прошли греки-ахейцы около 1000 г. до н. э., которые пересекли Сахару (тогда не столь сухую) от побережья Средиземного моря до р. Нигер.

ряки считались лучшими в Европе? Что побуждало португальцев предпринимать морские экспедиции? Руководствовались ли их организаторы тщательно проработанными планами или они меняли свои цели и способы их достижения согласно менявшимся обстоятельствам? Был ли вдохновителем и руководителем морских походов только инфант Энрике (он же принц Генрих Мореплаватель) или/и другие представители Ависской династии? Возможно, движущей силой этих экспедиций стал нарождавшийся класс торговцев, влияние которого значительно выросло после судьбоносных событий 1383–1385 гг., когда большинство представителей старых аристократических родов были убиты или изгнаны за то, что встали на сторону вторгшихся в страну кастильцев. В итоге последние были полностью разгромлены в сражении у селения Алжубаррота (14 августа 1385 г.). Насколько верны были сведения рукописных отчетов путешественников о Северной Африке (включая Западный Судан), об Индии и Дальнем Востоке, которые нашли отражение на картах мира арабских, еврейских, каталонских и итальянских картографов и купцов, которые были в распоряжении принца Энрике и других заинтересованных людей в Португалии? И как использовали эту информацию, если использовали вообще, португальцы?

Историки еще далеки от единого ответа на эти вопросы, но за тем, что известно как эпоха Великих географических открытий, стоит целый ряд факторов – религиозный, эконо-

номический, стратегический и политический, которые были представлены в разной мере. Первоначальные корыстные побуждения часто самым причудливым образом смешивались с убеждением, что кесарю надо отдавать кесарево, а Богу – Божие. Так было в случае со средневековым итальянским купцом Прато, который каждую страницу своих gross-бухов начинал фразой «Во имя Бога и Прибыли». Рискую упростить общую картину, можно сказать, что ведущих деятелей Португалии, к которым в равной степени могли относиться короли, принцы, аристократы и купцы, вдохновляли в их стремлениях четыре основные причины. Выстроенные в хронологическом порядке, но разные по значимости и отчасти совпадающие, это были 1) фанатизм крестоносцев в борьбе с мусульманами; 2) стремление обрести золото Гвинеи; 3) поиски пресвитера Иоанна и 4) восточных пряностей.

Положительным моментом в этом было то, что Португалия на протяжении всего XV в. была единым королевством, в стране прекратились междоусобные распри, за исключением одного трагического эпизода. В 1449 г. в битве при Альфарробейре будущий король Афонсу V разбил войска регента Португалии Педру, герцога Коимбры. Он пал жертвой интриг и амбиций герцогского дома Браганса. Вряд ли читателю стоит напоминать, что большую часть этого века другие страны Западной Европы терзали войны – Столетняя война, гражданская Война Алой и Белой розы и другие. Возникла угроза турецкого нашествия на Балканах и в странах

Ближнего Востока. Кроме того, Кастилия и Арагон пережили смутное время, находясь буквально на грани анархии незадолго до воцарения Фердинанда и Изабеллы. Эти внутренние раздоры в значительной степени помешали испанцам успешно соперничать с португальцами. В противном случае положение было бы иным, хотя Испания и изгнала португальцев с Канарских островов.

Захват португальскими войсками Сеуты в августе 1415 г. и, что важнее, ее удержание было, возможно, результатом религиозного пыла крестоносных воинов, готовых нанести решительный удар по неверным. Присутствовало и желание наполовину английских по крови португальских принцев быть посвященными, с театральным эффектом, в рыцари прямо на поле боя. Конечно, эти традиционные объяснения, предлагаемые хронистами, не могут удовлетворить современных историков. Они утверждают, что экономические и стратегические причины играли при этом более значимую роль, поскольку Сеута была процветающим центром торговли, базой военного флота мусульман и плацдармом для нового вторжения через Гибралтарский пролив. Также высказывалось предположение, что плодородные земли вокруг города, на которых выращивались зерновые культуры, были еще одной точкой притяжения для португальцев, поскольку в их стране ощущался явный недостаток зерна. Это предположение опровергается тем фактом, что незадолго до захвата Сеуты в одном мусульманском описании недвусмысленно

говорится о том, что городу приходится импортировать зерно, хотя там и существовали большие запасы зерна в житницах. Но Сеута к тому же была конечным пунктом транссахарской торговли золотом. Насколько это португальцы осознавали еще до захвата города, остается неясным (как и другие причины этой экспедиции).

Во всяком случае, овладение Сеутой, несомненно, позволило португальцам получить дополнительную информацию о землях негров в бассейнах Верхнего Нигера и Сенегала, откуда поступало золото, если только они уже не знали об этом из таких источников, как «Каталонская карта» 1375 г., и сообщений торговцев-евреев. Раньше или позже, но они начали осознавать, что они, вероятно, смогут установить контакт с этими землями по морю и перенаправить торговые пути золотом, которое доставляли верблюжьими караванами из Западного Судана при посредничестве мусульман Берберийского берега. У португальцев был стимул для этого, поскольку на золото был большой спрос последние два с половиной века в Западной Европе. В это время город за городом и страна за страной начинали чеканить золотые монеты, вдохновленные появлением в 1252 г. флорентийского золотого флорина и около 1280 г. венецианского золотого дуката. В Португалии не было собственной золотой валюты с 1383 г.; подобное положение сохранялось лишь в немногих европейских королевствах.

Завоевательные устремления крестоносцев, по крайней

мере, что касалось Португалии, были направлены исключительно против мусульман Марокко. И поиск золота Гвинеи получил новый импульс в процессе поиска пресвитера Иоанна. Этот мифический владыка, как считали европейцы, был правителем могущественного королевства в Индиях, имевших широкое определение; это были земли Эфиопии и Восточной Африки, а также те земли, что были известны в Азии. Ближняя, или Малая, Индия означала, предположительно, север субконтинента; Дальняя, или Большая, Индия – его юг, расположенный между Малабарским и Коромандельским берегами; под Средней Индией понимали Эфиопию, или Абиссинию. Но немногие в начале XV в. имели четкое представление об Индиях; и названия «Индия» или «Индии» часто ассоциировали с некоей неизвестной и загадочной землей к востоку и юго-востоку от Средиземноморья.

Время, романтические повествования о путешествиях и имевшее хождение поддельное письмо, изысканно украшенное, приписываемое пресвитеру Иоанну, – все это вместе, помноженное на легкое верие западноевропейца, привело в эпоху позднего Средневековья ко всеобщей вере в могущественного монарха, христианского священника-короля. Верили, что его королевство расположено где-то за исламскими державами, которое в виде широкого пояса протягивается от Марокко до Черного моря. Поначалу полагали, что оно находилось в Центральной Азии и со временем постепенно

сместилось в Эфиопию.

Начиная с 1402 г. эфиопские монахи и посланники приезжали в Европу (через Иерусалим) из древнего и изолированного коптского христианского царства, расположенного на нагорье между Нилом и Красным морем. Наконец, один из этих посланников прибыл в Лиссабон в 1452 г.; но, как явствует из дальнейших событий, португальцы, подобно европейцам, получили лишь смутное представление о том, что это за страна и где она находится. Ни в одной европейской стране, казалось, не распространилась столь широко, как в Португалии, экстравагантная легенда о пресвитере Иоанне, в которой рассказывалось, что за его столом, сделанным из изумрудов, пировали 30 тысяч гостей; 12 архиепископов сидели по его правую руку и 20 епископов – по левую. Но все в Португалии и повсюду искренне верили, что этот загадочный король-священник, когда его найдут, окажется незаменимым союзником в борьбе против мусульманских держав, будь то турки, египтяне, арабы или мавры. Что касается португальцев, они надеялись обнаружить его в Африке, где он сможет помочь им против мавров.

Противоречивые мотивации, стоявшие за португальскими открытиями, становятся ясными из текста папских булл, которые были обнародованы при жизни Генриха Мореплавателя и его непосредственных наследников. Было установлено, что эти послания отражали предварительные просьбы португальского монарха. Таким образом, они отражали на-

мерения короля или тех, кто обращался к римскому папе от его имени. Три наиболее известные буллы были *Dum diversas* от 18 июня 1452 г., *Romanus Pontifex* от 8 января 1455 г. и *Inter caetera* от 13 марта 1456 г. В первой папа Николай V давал позволение португальскому королю: совершать завоевательные походы с целью покорения сарацин, язычников и других неверных, всех врагов Христовых; захватывать их товары и их земли; обращать этих людей в вечное рабство, а их земли и собственность передавать королю Португалии и его наследникам. Некоторые современные исследователи пытаются утверждать, что эта булла имела отношение только к португальской экспедиции в Марокко, где военные действия шли со времени захвата португальцами Сеуты. Однако текст послания ни подтверждает, ни предполагает такие ограничения. Более того, к 1452 г. португальцам уже было хорошо известно, что население Марокко составляют исключительно мусульмане. Под упомянутыми язычниками и врагами Христа, конечно, понималось население прибрежных районов Сахары и негры Сенегамбии, с которыми португалы уже соприкоснулись.

Вторая булла, *Romanus Pontifex*, была еще более характерной; это была в чистом виде хартия португальского империализма. В начале ее подводится итог деятельности принца Энрике (Генриха Мореплавателя) с 1419 г. – его исследовательским трудам, завоеваниям и колонизации новых земель. В возвышенных выражениях воздается хвала апостольскому

рвению верного воина Христова и защитника веры. Принца хвалят за его стремление добиться того, чтобы все узнали и прославили славное имя Христово, даже в самых отдаленных и до сих пор не открытых землях, за его намерение заставить сарацин и других неверных войти в лоно церкви. Булла также напоминает о его заслуге колонизации необитаемых Азорских островов и Мадейры и о предпринятых им усилиях в деле завоевания и евангелизации Канарских островов. Ему отдается должное за его намерение обойти вокруг Африки и установить связь по морю с жителями Индии, «которые, как говорят, славят имя Христа», и в союзе с ними продолжить борьбу с сарацинами и другими врагами веры. Принцу было дано право привести тех язычников, что могут встретиться в областях между Марокко и Индиями, к покорности и обратить их в христианство (даже если они не находятся под влиянием мусульман).

За последние двадцать пять лет, говорится далее в булле, принц Энрике постоянно посылал свои каравеллы в южном направлении для исследования западного побережья Африки. Они достигли Гвинеи и открыли устье большой реки, вероятно Нила (в действительности реки Сенегал). Ведя торговлю и сражаясь, португальцы захватили большое количество чернокожих рабов и привезли их в Португалию, где многие были крещены и приняли католическую веру. Это дает надежду, что все местное население или по крайней мере многие могут быть свободно обращены в христианство в

ближайшем будущем. Португальская корона приобрела, таким образом, обширные морские владения и была намерена сохранить монополию в навигации, торговле и рыболовстве в этих районах. Иначе придут другие, чтобы пожать то, что посеяли португальцы, или же чтобы помешать им завершить свои труды. Но, поскольку труды подъемлются во имя Господа и в интересах христианского мира, папа римский Николай V заявляет и провозглашает *motu proprio* («распоряжением самого папы римского») следующее. Эта монополия относится не только к Сеуте, но и ко всем уже свершившимся португальским завоеваниям, и, равным образом, ко всем будущим к югу от мысов Бохадор⁶ и Нун и вплоть до Индий. Законность любых мер, предпринимаемых португальской короной, чтобы сохранить эту монополию, недвусмысленно признается папой.

Португальцы получали от папы разрешение вести и дальше торговлю с сарацинами в тех случаях, когда они найдут это целесообразным, но при условии, что они не будут продавать оружие врагам веры. Король (Афонсу V), принц Энрике и их наследники были уполномочены вести строительство церквей, монастырей и *ria lusa* и посылать туда священников для совершения таинств, хотя и нет отдельного упоминания о посылке миссионеров для проповеди благой вести среди неверных. И наконец, всем другим государствам строго запрещалось покушаться на монополию португальцев в об-

⁶ На современных картах Буждур.

ласти открытий, завоеваний и торговле. Важность этого последнего положения послания была подчеркнута его торжественным оглашением 5 октября 1455 г. в Кафедральном соборе Лиссабона, которое было зачитано в оригинале на латыни и на португальском языке в присутствии специально приглашенных представителей всех иностранных общин португальской столицы – французской, английской, кастильской, галисийской и баскской.

Буллой *Inter caetera* от 13 марта 1456 г. папа римский Калликст III подтвердил основные положения буллы *Romanus Pontifex*. По просьбе короля Афонсу V и его дяди принца Энрике он передал португальскому ордену Христа, Великим магистром которого был принц, право духовной юрисдикции над всеми завоеванными и теми, что еще предстояло завоевать, землями «от мысов Бохадор и Нун и далее от Гвинеи на юг к Индиям». Булла заявляла, что великий приор ордена (основан в 1319 г. как преемник ордена тамплиеров) получит право назначать священников, как из черного, так и белого духовенства на все приходы; налагать епитимьи и прочие церковные наказания и осуществлять власть в пределах своей юрисдикции. Все области в его подчинении были *nullius diocesis*, то есть не относились ни к какому диоцезу. Однако снова не была отдельно оговорена миссионерская деятельность.

Я проанализировал, в некоторой степени, эти буллы, потому что они ясно отражают дух эпохи Великих географиче-

ских открытий и потому что они показали европейцам, как надо (или не надо) вести себя в тропических странах. В одной из сур Корана говорится: «Женщина – это твой надел; распахивай его, как тебе потребно». Основной целью этих папских булл было указать португальцам, а затем и другим европейцам, которые последуют за ними, на необходимость общего для всех властного поведения по отношению ко всем народам, находившимся вне христианского мира. Уже упоминавшийся хронист этого времени Гомеш Эанеш де Зурара, описав (в 1450 г.) сомнения некоторых людей в оправданности агрессивных войн против мусульман, отмел все высказывания таких критиков, которые, по его словам, «немного лучше, чем еретики». Король Дуарте I (1433–1438) придерживался очень похожих взглядов в своем трактате, посвященном вопросам морали, «Верный советник», как и теологи, которых наставлял Жуан I перед экспедицией в Сеуту. Голландец Ян Гюйген ван Линсхотен (1563–1611), который шесть лет жил в Гоа в последней четверти XVI в., был весьма критичного мнения по поводу «высокомерной гордости и самонадеянности» португальцев в Индии, «так как повсюду они выступают как господа и хозяева, унижая и презирая местных жителей». Чего Линсхотен мог ожидать менее всего, когда он писал эти строки в 1596 г., так это того, что голландцы и англичане, пришедшие в муссонную Азию на смену португальцам, будут, во многом, вести себя подобным образом. В буллах также нашла отражение инициатива порту-

гальской короны, принца Энрике и других правителей Ависской династии по упорядочению всех предпринимаемых мероприятий в области организации исследовательских экспедиций, завоевания и колонизации новых земель, использования их богатств. Что касается понятия Индии в этих бумагах, то оно, возможно, обозначало первоначально не только владения пресвитера Иоанна в Восточной Африке, но и, что также вероятно, отдельные части Азии и самой Индии.

Существуют поэтому обоснованные причины верить, что принцем Энрике, который настойчиво отправлял свои каравеллы на юг за мыс Нун, двигала идея Крестовых походов, религиозные мотивы, познавательный (но едва ли «научный») интерес. Но экономические причины также сыграли свою роль, несмотря на то что они не были, возможно, столь важны на первоначальном этапе. Тем не менее эти путешествия были дорогостоящим предприятием, принц заявил об этом в 1457 г. Более того, принц содержал большой штат рыцарей и дворян, и он всегда был хлебосольным хозяином для многих иностранных гостей. Доходов, которые поступали из самых разных источников, включая земли ордена Христа и монополию на мыловарение и рыбную ловлю, постоянно не хватало для покрытия расходов, и долги продолжали расти. Таково было положение дел, и весьма вероятно, что слова Диогу Гомиша, одного из капитанов принца, были правдивы, когда он рассказывал Мартину Бехайму из Нюрнберга, что принц Энрике во время завоевания Сеуты

получил ценную информацию от пленников мавров и других людей. Эти сведения натолкнули его на мысль попытаться по морю добраться до земель с золотиносными россыпями к югу от Сахары, «чтобы начать там торговлю и тем самым содержать знать при его дворе». Известный португальский хронист Жуан де Барруш косвенным образом подтверждает это в одной из книг своего сочинения «Декады» (написанной в 1539 г.). Золотой песок в 1442 г. выменивали у местных жителей (в данном случае туарегов), и мы не знаем, как много его было привезено из Западной Африки в Португалию в оставшиеся последние 18 лет жизни принца Энрике. В эти его последние годы золота было приобретено значительное количество. Поэтому в 1457 г. на монетном дворе в Лиссабоне возобновили чеканку монеты почти из чистого золота под названием «крузадо», довольно символическим (с португальского слово *cruzada* переводится как «крестовый поход»). Стоимость этой монеты не снижалась вплоть до 1536 г.

Развитие работорговли также помогло начать финансирование португальских морских походов вдоль западного побережья Африки после 1442 г. Рабов добывали, вначале совершая набеги на поселения туарегов в прибрежных районах Сахары, а затем и на селения чернокожих жителей Сенегала. Эти набеги, от которых страдали большие безоружные группы местных семейств из незащищенных поселений, описал Гомеш Эанеш (Ианиш) де Зурара. В его изображении они представлялись в виде рыцарских подвигов отчаянных

храбрецов, подобных тем, что совершались на полях сражений Европы. И в это верило подавляющее большинство его современников. Были случаи, когда португальцы также превращали в рабов гуанчей, захваченных на Канарских островах, что вызвало осуждение римского папы, поскольку они уже были обращены в христианство. Но после нескольких лет общения с негритянскими народами Сенегамбии и Верхней Гвинеи португальцы поняли, что рабов можно заполучить более легким и удобным способом: путем мирного обмена с местными вождями и торговцами. Всегда находились африканцы, которые были готовы продать своих соплеменников европейским торговцам и тогда и позже, независимо от того, были они осужденными преступниками, или военнопленными, или жертвами колдовства.

В течение нескольких лет португальцы совершали удачные набеги за рабами или вели мирную торговлю со своих кораблей, продвигаясь постепенно на юг вдоль побережья, вставая на якорь на открытых рейдах или в эстуариях рек.

Подобное использование судов в виде плавучей базы стало привычным, но в дополнение к нему на берегу основывали «фактории», или, иначе, торговые посты. Первая фактория (*feitoria*) была учреждена в Аргене южнее мыса Кабо-Бланко (Кап-Блан, Нуадибу) в 1445 г. в попытке перехватить торговый путь, который вел из Западного Судана через Сахару. Лет десять спустя здесь была построена крепость, где португальцы меняли коней, сукно, медные изделия и зер-

но на золотonosный песок, рабов и слоновую кость. Эта фактория стала прототипом для целой цепочки сооружений подобного рода, которые появились на побережьях Африки и Азии и Молуккских островах. Золото, рабы и слоновая кость стекались в Португалию в значительных количествах; экспедиции принца Энрике в Западную Африку начали приносить прибыль, если и не ему, то по крайней мере некоторым их участникам. Купцы и судовладельцы Лиссабона и Порту, которые были мало заинтересованы в экспедициях к бесплодным берегам Сахары, теперь проявляли желание участвовать в плаваниях в Сенегамбию и южнее. Нескольким известным купцам и аристократам, а также дворянам из окружения принца Энрике, была предоставлена лицензия от самого принца.

Здесь было бы уместно кратко перечислить открытия, которыми мы обязаны принцу Энрике. В 1419 г. португальские корабли вышли в Атлантический океан и достигли мыса Бохадор (Буокдур) в Западной Африке, находившегося немногo южнее 27° северной широты. Это был предел, до которого доходили корабли. Теперь эта местность известна как Рио-де-Оро в Испанской Сахаре (ныне Западная Сахара). Мыс здесь выдается в океан на 25 миль в западном направлении. Яростные волны и сильные течения к северу от него; расположенные вблизи берега мели; частые туманы и морозящие дожди над морем, да к тому же и противные ветра, которые препятствовали возвращавшимся кораблям плыть

на север, — все это, вместе взятое, подтверждало рассказы о «Зеленом море мрака», как его называли арабские географы. Именно от них пошло известное поверье, что отсюда вернуться невозможно. После многих окончившихся ничем попыток одно из судов принца Энрике наконец-то обогнуло мыс в 1434 г., преодолев не только природный, но и, что было более сложно, психологический барьер, который до тех пор препятствовал плаваниям все дальше на юг вдоль побережья Западной Африки. Это было, пожалуй, самым большим достижением принца Энрике, которое было осуществлено благодаря твердой решимости и готовности потратить большие деньги на морские экспедиции, которые не сулили получить немедленную отдачу.

Когда опасный мыс был пройден, то дальнейшие успехи были делом времени; однако принц Энрике с воодушевлением начал заниматься организацией походов крестоносцев в Марокко. В отсутствие внимания принца его люди и суда, продвигаясь на юг, несли потери. Поход под его началом в Танжер в 1437 г. был неудачен; войска сдались, и им было позволено вернуться на суда только после того, как младший брат принца инфант Фернанду был оставлен в плену у мавров как заложник. Условием его освобождения был неременный возврат Сеуты. Но ради интересов государства это требование так и не было выполнено, и дон Фернанду, «святой инфант», как впоследствии его стали называть, был оставлен умирать в тюрьме в Фесе, несмотря на его

жалобные просьбы к братьям выволить его в обмен на Сеуту. Принц Энрике предпринимал также энергичные, пусть в итоге и неуспешные, усилия оспорить право кастильцев на Канарские острова. Тем не менее, несмотря на занятость принца всеми этими делами, португальские корабли спустились вдоль побережья далеко на юг вплоть до Сьерра-Леоне к 1460 г. – году его смерти.

Важным завершением пройденного 1500-мильного пути вдоль западного побережья Африки стало одновременное открытие (или повторное открытие) Мадейры (ок. 1419 г.) и Азорских островов (ок. 1439 г.), за которым последовало открытие и колонизация островов Зеленого Мыса (1456–1460). К сожалению, мы не располагаем надежной информацией о мотивах, что вели капитанов судов в их исследовательских морских походах. Однако не было никакого сомнения, что их организовывал или сам принц Энрике, или в сотрудничестве с братьями и видными представителями знати. Заселение этих необитаемых островов положило начало практике колонизации заморских территорий.

Поселенцы, в прямом смысле слова, были пионерами в Новом мире. Видимо, они так ощущали себя, о чем говорит тот факт, что первые мальчик и девочка, родившиеся на Мадейре, получили имена Адам и Ева. Самые первые поселенцы прибыли в основном из Алгарви, поскольку каравеллы португальцев выходили из портов именно этой провинции, но вскоре к ним присоединились эмигранты из дру-

гих мест Португалии и даже из таких отдаленных стран, как Фландрия. Азорские острова в течение многих лет назывались «фламандскими островами». Ко времени смерти принца Энрике на Мадейре уже производилось большое количество сахара, а на Азорских островах – зерно.

Несмотря на то что нам практически ничего не известно, как проходили эти первые исследовательские экспедиции, – до нас дошло лишь несколько имен их начальников, среди которых были наряду с португальцами фламандцы и итальянцы, – представляется очевидным, что ими был приобретен достаточный опыт и они знали розу ветров в Атлантике. Кроме того, полученный во время плавания опыт позволил им создать (хотя мы и не знаем, когда точно) новый тип судов – каравелл с косым или латинским парусным вооружением, которые могли идти круто к ветру. Каравеллы, в свою очередь, сделали плавание более легким. Колумб, в немалой степени, именно на португальских каравеллах овладел искусством навигации на просторах океана. Более того, практический опыт португальцев в Атлантике помог заложить им основы современной науки судовождения. К концу XV в. их лучшие штурманы научились довольно точно определять свое местоположение в море, проводя счисление пути с помощью полученной при измерении широты. У них были также великолепные практичные лоции (*nopm, roteiros*, откуда *англ. rutters*) для плаваний у берегов Западной Африки. Основными приборами служили для них морской ком-

пас (возможно, заимствованный у китайцев⁷ через посредничество арабских и средиземноморских мореплавателей), астролябия и квадрант в их самой простой форме. Существовали также довольно сносные морские карты, указанные широты на которых были измерены как на берегу, так и на море. На так называемой планисфере Кантино 1502 г., скопированной итальянским шпионом с португальского оригинала (или кем-то специально для него) и переправленной в Италию, показана удивительно точно береговая линия Африки, особенно ее западное побережье к северу от реки Конго. Но многие лоцманы, выходя в океан, продолжали больше полагаться на различные природные приметы, такие как цвет морской воды и высота прилива, породы рыб и различные виды морских птиц, которых можно наблюдать на той или иной широте в различных местностях, характерные водоросли и т. п.

Хотя неизвестно, в какой степени поиски золота служили побудительной причиной для разведывательных плаваний португальцев вдоль побережья Западной Африки, притягательная сила золотого металла стала играть решающую роль после 1442 г. Португальцам так и не удалось обнаружить постоянный источник золота в Западной Африке и Судане, которое, как мы знаем сейчас, в основном добывалось

⁷ Один из мифов о китайском приоритете и в этом изобретении. На самом деле использовать свойство намагниченных предметов указывать направление люди стали в различных частях ойкумены независимо друг от друга.

в области Бамбук в верховьях Сенегала, в Мали, в верховьях Нигера и в Лоби на притоках в верховьях Вольты. Это золото, большей частью в виде золотого песка, носильщики, проходя по пути через царства Мали и Ганы (несколько не соотносятся с современными государствами), первоначально доставляли в Тимбукту (Томбукту). Там его покупали арабские и мавританские купцы, а затем везли верблюжьими караванами через Сахару в исламские государства Северной Африки. В тамошних портах часто бывали среди прочих торговцев еврейские, геноуэзские и венецианские купцы. Во второй половине XV в. с помощью фактории в Аргене и других незащищенных факторий в прибрежных районах Сенегамбии португальцам удалось отвести значительную часть караванов с основного торгового пути через Сахару к своим торговым пунктам на побережье, где они грузили золото на свои корабли. Этот процесс усилился, когда король Жуан II приказал в 1482 г. возвести крепость Сан-Жоржи-да-Мина (Элмина) на Золотом Берегу. «Святой Георгий из Мины» превзошел в торговле факторию в Аргене и вел не только торговлю золотом в Западном Судане, но и намытым золотом на самом Золотом Берегу. Спустя двадцать лет была построена вторая, меньшая, крепость в Аксеме.

Португальцы продолжали прилагать систематические и упорные усилия, чтобы перенаправить все пути торговли золотом в направлении побережья. Их эмиссары проникли, хотя и на краткое время, в Тимбукту (Томбукту). Португаль-

цам так и не удалось создать долговременные фактории во внутренних областях материка, и они были вынуждены опираться на посредников – негритянские племена, через которые они получали золото, будучи сами не в состоянии добыть его. Но соперничество между португальскими каравеллами и мавританскими верблюжьими караванами привело к победе первых и их господству в торговле золотом на протяжении около ста лет – приблизительно с 1450 до 1550 г. Во время правления короля Мануэла I (1496–1521) средняя годовая стоимость золота, импортируемого только из Сан-Жоржи-да-Мина (Элмины), составляла 170 тысяч добрас, а в отдельные годы и больше. В то время как рабы и золото были основными предметами торговли португальцев в Сенегамбии и Гвинее, другие товары, такие как напоминающая перец пряность, называемая «райские зерна», обезьяны и попугаи, находили доходные рынки сбыта в Португалии.

Вплоть до своей смерти в 1460 г. принц Энрике был концессионером всей торговли на западном побережье Африки, но это не значит, что вся торговля принадлежала только ему. Наоборот, он часто выдавал патент частным торговцам и отчаянным предпринимателям, решившим снарядить морскую экспедицию, но при условии, что ему будет выплачиваться одна пятая или особо оговоренная часть от полученной ими прибыли. Не ясно, каким образом велись торговые операции в первое десятилетие после смерти принца, но в конце 1469 г. ведение торговли на основе монопольного

соглашения было передано короной богатому лиссабонскому купцу Фернану Гомишу. За монархом оставалось право объявить свою монополию на ряд ценных товаров. Благодаря контракту Гомиш получил значительную прибыль, и он исследовал следующие две тысячи миль побережья для короны. По истечении срока этого контракта в 1475 г. король Афонсу V передал управление торговлей в руки сына и наследника инфанта дона Жуана, и она так и оставалась монополией короны, пока он не вззошел на престол в 1481 г.

Король Жуан II, «совершенный принц», был полным энтузиазма дальновидным империалистом, имевшим настоящую страсть к Африке и плодам ее земли, к ее людям, животному и растительному миру и минералам. Он имел особый персональный интерес к торговле, оставив за короной монополию на импорт золота, рабов, пряностей и слоновой кости и экспорт коней, ковров, английского и ирландского текстиля, меди, свинца, медной посуды, ожерелий и браслетов. Частным торговцам было позволено импортировать после уплаты лицензии такие менее важные товары, как попугаи, мартышки, тюленьи шкуры, хлопок, волокно рафии и пр. Соответственно корона предоставила права некоторым частным лицам импортировать рабов и слоновую кость, но всегда сохраняла монополию на золото. В действительности, конечно, эта монополия была совсем не так строга и эффективна, как это выглядело на бумаге. Было невозможно помешать экипажам кораблей вести частную торговлю на свой

страх и риск, не говоря уже о королевских чиновниках, и самих торговых агентах, и жителях островов Зеленого Мыса. Торговля в Западной Африке развивалась благодаря морским перевозкам; корабли снаряжались в Лагуше и других портах Алгарви. К концу XV в. флот начал сосредотачиваться в Лиссабоне; все суда подходили к цокольному этажу королевского дворца, располагавшегося на берегу реки Тежу, где находились конторское помещение и торговые склады (*Casa de Mina*); здесь король мог лично наблюдать за погрузкой и разгрузкой судов.

Товары, которыми португальцы платили за африканских рабов и золото, в большинстве своем производились за границей. Пшеницу часто привозили из Марокко, с островов Атлантики, из Северной Европы. Сукно и текстиль импортировали из Англии, Ирландии, Франции и Фландрии, хотя имелись также португальские ткани. Медную посуду и стеклянные бусы привозили из Германии, Фландрии и Италии, а раковины моллюсков – с Канарских островов. Многие импортируемые из Западной Африки товары реэкспортировались из Португалии. Большая часть «райских зерен» поступала во Фландрию, а множество рабов отправлялось в Испанию и Италию до тех пор, пока открытие и освоение Америки не перенесло всю торговлю рабами на другое побережье Атлантики. Возможно, наиболее важным следствием этого было то, что большое количество гвинейского золота, которое поступало в Лиссабон и где из него чеканили крузато,

реэкспортировали, используя в качестве платы за зерно и мануфактуру, в которых нуждалась Португалия. Португальское золото Западной Африки помогло стране обрести собственную валюту, как и в других странах Европы. Некоторые типы золотых монет, бывших в обращении в Северной Европе, назывались «португальскими», хотя и чеканились в Зволле и Гамбурге.

Трудно подвести итог этой торговли в Западной Африке. Весьма вероятно, что португальцы вывезли в 1450–1500 гг. около 150 тысяч негров-рабов. Зачастую рабы приобретались в результате межплеменных войн, шедших во внутренних районах; росту работорговли не способствовала существовавшая атмосфера насилия и неопределенности, и ничто не могло разрядить ее. Вожди племен получали наибольшую прибыль от работорговли с португальцами, и, как уже говорилось, большинство среди них всегда были для европейцев сговорчивыми партнерами. В районе Верхней Гвинеи, которая занимала в основном территорию между рекой Сенегал и мысом Пальмас, португальские торговцы и ссыльные уголовные преступники прошли вдоль многих рек и их притоков, часто уходя вглубь территории. Значительная их часть поселилась в негритянских деревнях, где они вместе со своими отпрысками-мулатами выступали как главные посредники между белыми и неграми в обменной торговле золотом, слоновой костью и рабами. Некоторые из них полностью натурализовались, сняли свою одежду, татуировали

свои тела, говорили на местных языках и даже участвовали в местных языческих обрядах и празднованиях (таких называли *tangos-maos* или *lancados*).

Короли Португалии не возражали против смешанных браков между белыми и неграми; за что белых людей могли преследовать, так это за неуплату налогов, которыми облагалась вся иноземная торговля. По этой причине в законодательном порядке в 1518 г. была введена смертная казнь за подобное преступление. Но хотя этот закон продолжал действовать в течение многих лет, он вряд ли применялся на практике, поскольку португальская корона не могла добиться отправления правосудия в Западной Африке за стенами факторий, лишь только в непосредственной близости от крепостей Мина (Элмина) и Аксим. Из-за смешения языков благодаря отуземившимся португальцам в прибрежных районах Верхней Гвинеи лингва франка стал португальский язык. Конечно, взаимоотношения португальцев с тем или другим западно-африканским племенем были различными, но вооруженных конфликтов было сравнительно немного, и в целом они отличались дружелюбием.

На Золотом Берегу Гвинеи португальцы возлагали надежду не только на мирные переговоры с местными племенами, но и полагались на свою силу и мощь, поддержанную крепостями Мина (Элмина) (1482) и Аксим (1503). Эти две крепости были основаны с двойной целью – защитить монополию на торговлю золотом от испанцев и других европейских

торговцев и держать в благоговейном страхе прибрежные негритянские племена, через посредство которых приобреталось золото. Эту последнюю цель интуитивно почувствовал вождь местного племени, когда Диогу Азамбужи сошел на берег в роскошном убранстве и в сопровождении вооруженной свиты в январе 1482 г., чтобы положить закладной камень в основание крепости Мина (Элмина). Вождь рассказал, что единственные португальцы, которых он встречал до этого, были те самые, которые приплывали каждый год на каравеллах, чтобы вести обмен товаров на золото. Эти моряки, по его словам, «люди, одетые в лохмотья, были довольны всем, что бы им ни давали в обмен за их товар. Это было единственной причиной, по которой они прибыли сюда. Их основным желанием было быстрее сторговаться и вернуться домой. Потому что им была ближе собственная страна, чем чужая земля». Португальцы и негры договорились регулярно встречаться через определенные промежутки времени, вместо того чтобы жить по-соседски, поблизости друг от друга, и вести торговлю как прежде, то есть чтобы португальцы приплывали на кораблях. Азамбужи, имевший приказ короля Жуана II построить крепость с согласия вождя или без него, продолжал настаивать на своем и вырвал у собеседника вынужденное согласие. Но если у вождей прибрежных племен не было достаточно сил, чтобы помешать строительству европейских крепостей на берегу залива, они были достаточно сильны, чтобы воспрепятствовать проникновению

европейцев во внутренние области в поисках желанного золота. Португалцы, как и их последователи голландцы и англичане, должны были оставаться в своих фортах, выменивая медные кубки, браслеты, бусы, текстиль и другие товары на золото, слоновую кость и рабов, которых странствующие торговцы привозили из внутренних областей материка. На Золотом Берегу не встречалось португальцев-посредников, о которых мы уже рассказывали. Одним из наиболее важных государств в области Нижней Гвинеи во второй половине XV в. был Бенин. Португалцы, посещавшие столицу Бенина, с восхищением рассказывали об этом большом городе, о чистоте его улиц и домов и об огромном королевском дворце с его замечательными медными статуями и металлическими дисками, украшавшими стены.

Процветавшая торговля золотом и рабами с Гвинеей давала необходимые средства для Жуана II, чтобы продолжить поиски «пресвитера Иоанна», образ которого, казалось, постоянно преследовал короля. Как бы ни были смутны их представления о «королевстве Иоанна», португалцы считали, что оно располагается где-то за Нилом. Эта река в представлении ученых европейцев образовывала границу между собственно Африкой и Средней Индией. Вначале они надеялись проникнуть во владения «пресвитера Иоанна», поднявшись по одной из рек – Сенегалу, Гамбии, Нигеру и, наконец, Конго. Каждый раз, переправляясь в месте впадения каждой реки в океан, они последовательно принимали эти реки то

за приток Нила, то за его рукав. Каждый раз первооткрыватели испытывали разочарование; но по мере того, как они продвигались на юг вдоль западноафриканского побережья, вероятность того, что этот континент можно обойти по морю и тогда откроется путь в «королевство пресвитера Иоанна» и в Индии, становилась все более вероятной. Так случилось, что в правление Жуана II поиски Иоанна шли одновременно с поисками азиатских специй.

Этот король предпринял решительные шаги для обнаружения «царства пресвитера Иоанна» и поиска пряностей, снарядив и тщательно подготовив разведывательные экспедиции, как сухопутные, так и морские, в середине 80-х гг. XV в.⁸ Во главе основной морской экспедиции был поставлен Бартоломеу Диаш, отплывший из Лиссабона в августе 1487 г. Сначала он обогнул мыс Доброй Надежды в первых месяцах 1488 г. и, пройдя какое-то расстояние вдоль побережья Южной Африки, вернулся с известием, что морской путь в Индии открыт. Большинство посланцев, в поисках «страны пресвитера Иоанна» отправившихся по суше, потерпели неудачу, но один из них, говоривший по-арабски

⁸ Две выдающиеся экспедиции были осуществлены в 1482–1486 гг. (или 1487 г.) под руководством Диогу Кана. Кан достиг 22° ю. ш. – на мысе Кросс на побережье пустыни Намиб в Юго-Западной Африке был поставлен падран – каменный столб с гербом, с именами короля, мореплавателя и датой открытия (найден в конце XIX в.). На обратном пути Кан поднялся на 160 км вверх по р. Конго, преодолев грозный водоворот, где гигантский поток, сдавленный до 800 м, мчит со скоростью 18,5 км/ч, и пороги Еллала.

дворянин по имени Перу да Ковильян, который отправился из Лиссабона в том же самом году, что и Бартоломеу Диаш, достиг через Красное море и Аден западного побережья Индии в 1488 г. Затем он побывал в Персидском заливе и прошел в южном направлении по восточноафриканскому побережью, по землям суахили до самой Софалы. Это полное приключений путешествие, длившееся более двух лет, натолкнуло его на важную мысль о необходимости развивать торговлю основными товарами в Индийском океане, и пряностями в частности. На своем обратном пути в Португалию в конце 1490 г. он встретил в Каире посланника короля, который передал ему от него повеление продолжить путь в «королевство пресвитера Иоанна», местоположение которого к тому времени было определено, это были нагорья Абиссинии (Эфиопии). Это он и сделал, послав прежде из Каира королю подробный отчет обо всех своих открытиях. В Абиссинии его с почетом принял император, или, иначе, негус, но ему не было дано разрешения покинуть страну. Ему дали жену и одарили землями, и его так и продолжали удерживать там вплоть до его смерти 30 лет спустя.

Неизвестно, попал ли отчет Ковильяна 1490–1491 гг. в Португалию, так как мнения по этому вопросу расходятся. Если он достиг адресата, то тогда Жуан II имел в своем распоряжении отчет из первых рук о торговле пряностями в Индийском океане. И это помогло бы объяснить, почему семь лет спустя Васко да Гама на своем пути в Индию полу-

чил приказ направиться в Каликут, в то время наиболее важный перевалочный пункт в торговле пряностями. С другой стороны, да Гама и его люди были сильно удивлены высоким уровнем развития цивилизации в городах-государствах суахили в Мозамбике, Момбасе и Малинди, которые они посетили во время своего эпического плавания. В случае, если отчет Ковильяна все же пришел в Лиссабон, у португальцев было бы достаточно информации об этих местах. По прибытии в Каликут да Гама не смог отличить индуистские храмы от христианских церквей. Ковильян должен был это знать, поскольку часто посещал торговые порты Малабарского берега, и тогда он сообщил бы об этом. Наконец, да Гама приготовил для правителя Каликута самые дешевые подарки и наиболее неподходящие товары для торговли – ткани, медную посуду, бусы и т. и. – для обмена на перец и другие специи; а ведь Ковильян определенно сообщал, что это можно было приобрести только за золотые и серебряные монеты⁹.

Получил ли король Португалии отчет Ковильяна или нет, но можно с уверенностью утверждать, что только в 1480-х гг. португальцы впервые всерьез заинтересовались возможностью торговли азиатскими пряностями непосредственно в местах их произрастания или поблизости от них.

⁹ Помимо отчета, отправленного Ковильяном в Португалию, важным свидетельством является отчет посольства португальцев в Эфиопию в 1520 г. Священник посольства Франсишку Алвариш записал рассказ Ковильяна о его странствиях и включил в свой отчет «правдивое сообщение о землях священника Жуана Индийского» (1540).

До тех пор их относительно скромные потребности в азиатских пряностях удовлетворялись теми специями, что они получали (подобно другим европейцам) от венецианцев, которые приобретали их у мусульманских купцов из империи мамлюков¹⁰ в Египте и Сирии. Мы не обладаем достаточной информацией о ценах на эти пряности во второй половине XV в. и поэтому не знаем, когда и почему у Жуана II зародился план покончить с монополией венецианцев и мамлюков на торговлю пряностями. Но факт остается фактом, он это сделал. Явные доказательства этого – инструкции, данные Перу да Ковильяну в 1487 г. и Васко да Гаме в 1497 г. Выглядит правдоподобным следующее предположение. Если король был уверен в том, что можно было найти дорогу в Индию, то он, вероятно, также считал возможным и желательным добиться того, чтобы торговцы везли азиатские пряности не по суше, а морем, по Атлантическому океану (хотя бы отчасти), как это произошло в случае с гвинейским золотом. Тогда место верблужьих караванов, шедших через Сахару, заняли каравеллы, швартующиеся у крепости Сан-Жоржи-да-Мина (Элмина).

Как бы то ни было, из речи, произнесенной португальским посланником Вашку Фернандешем де Лусеной в декабре 1485 г. и обращенной к папе римскому, явно следует, что Жуан II уже тогда, до плавания Бартоломеу Диаша

¹⁰ Правивших в Египте с 1250 г., с 1517 г. под турецким господством; в 1808 г. при Мухаммеде Али у мамлюков отняли земли, в 1811 г. истребили.

и путешественника Перу да Ковильяна, был убежден – открытие морского пути в Индию дело ближайшего будущего. В этой речи посланник сообщил папе от имени своего господина, что португальские корабли, как ожидается, вскоре выйдут в Индийский океан и встретят «пресвитера Иоанна», и других христианских королей, и иные народы, которые, вне всякого сомнения, существуют в тех краях, о которых ничего не известно. Не были упомянуты пряности, но это было объяснимо. Если Жуан II уже замыслил разрушить монополию венецианцев и мамлюков, было бы верхом глупости говорить во всеуслышание об этом во время папской аудиенции в Риме.

Давнишний интерес короля Жуана II к «пресвитеру Иоанну» и недавно проявившийся к азиатским пряностям перешел по наследству к сменившему его на троне Мануэлу I. Когда Васко да Гама в июле 1497 г. отправился в свое знаменательное плавание, ему были вручены верительные грамоты к «пресвитеру Иоанну» и радже Каликута вместе с образцами пряностей, золота и жемчуга. Ему было приказано показывать эти товары жителям всех еще не открытых земель, в которых он мог оказаться, проплывая вдоль побережья Африки, в надежде, что население этих мест может узнать эти ценности и сообщить жестами или через переводчика, где их можно найти.

Васко да Гама отправился в плавание только девять лет спустя после возвращения в Лиссабон Бартоломеу Диаша, который впервые обошел вокруг мыса Доброй Надежды. За

это время Колумб успел вернуться в марте 1493 г. из своего эпохального путешествия, заявив об открытии нескольких островов на границе Восточной Азии, а в 1495 г. умер король Жуан. Эти два события не стали, сами по себе, причиной длительной задержки в отправке новых экспедиций после завершения замечательного плавания Бартоломеу Диаша. Особенно если мы вспомним, что в 1485 г. король публично информировал папу римского о том, что его корабли стоят на пороге открытия морского пути в Индию. Историки высказывали различные предположения, почему произошла подобная задержка. Объясняли ее событиями в Марокко, смертью сына и наследника короля Жуана Ив июле 1491 г. и последующей болезнью короля. Многие королевские советники открыто выступали против дальнейшей разработки планов открытия Индии, приводя в качестве аргумента тот факт, что экономические и демографические ресурсы Португалии были слишком ограничены, чтобы такая небольшая страна могла осваивать обширные новые земли на таком большом отдалении. Они настаивали, что было бы лучше развивать существующую и высокодоходную торговлю золотом и рабами в Западной Африке, а в остальном все оставить как есть.

Все или любая из этих причин могли повлиять на поведение Жуана II; но он был не из тех людей, которые могут позволить, чтобы их надолго отвлекли от того дела, которому они посвятили свою жизнь. Напрашивается наиболее ве-

роятное предположение, что в эти годы португальцы, скрытно ото всех, отправлялись в плавания в Южную Атлантику, чтобы освоиться там с местными особенностями навигации и найти более удобный путь вокруг мыса Доброй Надежды, чем тот, каким прошел Диаш. Продвижению его корабля, шедшего вдоль юго-западного побережья Африки, сильно мешали противные ветра – юго-восточные пассаты. Это может объяснить, почему Васко да Гама проложил свой собственный маршрут; именно этим путем впоследствии следовали португальцы Ост-Индии. В пути корабли пересекали экватор у Зеленого Мыса, затем следовали в юго-восточном направлении и, миновав область переменных ветров в районе тропика Козерога, шли уже под полными парусами, поймав постоянный западный ветер. Этот маршрут полностью отличался от маршрута Диаша в открытом океане в 1487 г. и мог появиться (как можно предположить) только в результате опыта, приобретенного в плаваниях, о которых не осталось свидетельств.

Нет смысла пересказывать повествование об известном морском путешествии Васко да Гамы в 1497–1499 гг. Следует лишь подчеркнуть, что несмотря на то, что мы не знаем, что подвигло первых португальцев отправиться в море на открытие новых земель, но к тому времени, когда умер принц Энрике (1460), их вело страстное желание найти «пресвитера Иоанна» и золото Гвинеи. К тому же во время правления Жуана II ими овладела новая страсть – погоня за азиатски-

ми пряностями. Когда да Гама прибыл в Каликут, к одному матросу из экипажа его судна обратились два знавших испанский язык туни́сца. Они спросили его: «Какой дьявол занес вас сюда?» На что тот ответил: «Мы приплыли, чтобы отыскать христиан и пряности». Также знаменателен факт, что вскоре после того, как возвращавшиеся корабли да Гамы вошли в устье Тежу в июле 1499 г., король Мануэл отправил Фердинанду Арагонскому и Изабелле Кастильской послание, написанное в восторженных тонах. В нем он сообщал, что первооткрыватели достигли своей цели и нашли большое количество гвоздики, корицы и других пряностей, помимо «рубинов и всех видов драгоценных камней». Король также утверждал, явно преувеличивая, «что они открыли земли, в которых множество золотых копей». Он заявил о своем намерении продолжить плаванья ради новых открытий и силой, при поддержке встреченных в Индии «христиан», захватить у мусульман торговлю пряностями в Индийском океане. Таким образом, монополию венецианцев и мусульман на левантийскую торговлю азиатскими пряностями и предметами роскоши сменит португальская монополия, которая будет основываться на поставках товаров по морскому пути вокруг мыса Доброй Надежды. Несколько недель спустя король писал в Рим кардиналу-протектору Португалии и просил получить у папы римского подтверждение обнародованных ранее булл и посланий, которые утверждали за португальским королем «сюзеренитет и господство» над

вновь открытыми землями. В этом письме, датированном 28 августа 1499 г., король Мануэл титуловал себя *inter alia* «Владыка Гвинеи и начальствующий над навигацией и торговлей Эфиопии, Аравии, Персии и Индии».

Послания короля Мануэла испанским властителям и папе римскому, а также его поспешные утверждения о господстве в Индийском океане в то время, когда на его просторах не было ни одного португальского корабля, указывают ясно на две вещи. Во-первых, он был решительно настроен установить контроль Португалии над азиатской торговлей пряностями силой оружия; и во-вторых, король рассчитывал на помощь дружественных (пусть и не строгих римокатоликов) индийских христиан. Во втором случае он ошибался, хотя незадолго до смерти короля Мануэла с призрачным «пресвитером Иоанном» наконец была установлена связь. Все-таки соблазн получить большие прибыли от намечаемой португальской монополии на торговлю пряностями и уверенность в том, что союзники-христиане могут быть обнаружены в землях, лежавших по берегам Индийского океана, помогли развеять сомнения некоторых советников короля Мануэла, и небольшое королевство Португалия начало удивительное военное предприятие в муссонной Азии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.